

ОПЕРИРОВАЛ АЛЮМИНИЕВЫМИ ЛОЖКАМИ

Кто такой Герман Алалыкин?

Золотые руки и профессиональная интуиция этого человека спасли сотни жизней. Его имя вписано в карту нашего города. Сегодня, когда стало модным перебивать адресные таблички, мы решили напомнить и себе, и другим, с чего, собственно, все начиналось. На этот раз корреспонденты «Нового Вестника» прошлись по небольшой, но очень уютной улице Алалыкина.

... Раскидистые деревья, трехэтажная сталинская архитектура с декоративной лепниной и колоннами, а у колонн девушки в белых халатах, наскоро затягивающиеся сигаретками. Это корпус медицинской академии. За время существования вуза здесь выучились более 30 тысяч врачей различной специализации.

Мы же расскажем о том, каким уникальным человеком был Герман Никанорович Алалыкин, который вместе со своей супругой Ядвигой Фридриховной начал лечить жителей шахтерского края 80 лет назад, еще до образования города. Говорят, что Герман Никанорович обладал чуть ли не экстрасенсорными способностями. Ему не нужен рентген-аппарат, чтобы поставить точный диагноз, в отсутствие элементарного хирургического оборудования он проводил самые разные операции. А когда пациенты выздоравливали и пытались его отблагодарить, наотрез отказывался от подарков.

Первая жена

Судьба не баловала Германа Никаноровича. Родился он в 1886 году в Вятской губернии. И был одиннадцатым и предпоследним ребенком в большой семье. Когда ему было всего два года, родители умерли. Малыша взяла на воспитание пожилая соседка. Позже, заметив способности мальчика, она устроила его в Казанскую гимназию. Затем был медицинский факультет Казанского университета, после которого Алалыкина направили ординатором в Петербург, в клинику нервных болезней профессора Бехтерева. В 1914 году его призвали в действующую армию. Через два месяца врач попал в немецкий плен. Вернуться на родину он смог только через шесть лет. Служил в Красной армии, а после демобилизации поселился в Киеве.

- Никто не пишет о том, что у Германа Никаноровича была первая жена, - рассказывает правнучка основателя карагандинского здравоохранения Елена Алалыкина. - Она работала терапевтом в инфекционной больнице. Это было еще

до Украины. В Первую мировую они вместе боролись с тифом и оспой. Через вшей от своего пациента она подцепила брюшной тиф. Заболела и умерла. Именно она является матерью моего деда. То есть Ядвига Фридриховна, конечно, дольше прожила с Германом Никаноровичем, но она не была родной мамой его сына.

Хирург несуществующей больницы

Со своей второй женой Герман Никанорович познакомился, когда переехал из Киева в Умань. На новом месте он быстро нашел работу хирурга. А вот терапевт Ядвига Фридриховна никак не могла устроиться по специальности. Какое-то время она была вынуждена оставаться домохозяйкой, что ей жутко не нравилось. По одной инверсий, именно она и уговорила мужа снова собирать чемоданы. Ядвига Фридриховна прочитала в журнале объявление, пригла-

шавшее врачей всех специальностей в Алтайский край.

Однако до Алтая семья Алалыкиных так и не добралась. В Москве их перехватил начальник «Шахтостроя» карагандинских угольных копеей Корней Горбачев. Он включил врачей в состав геологической экспедиции. Германа Никаноровича сразу назначили заведующим медпунктом и хирургом еще не существующей в Карагандинской больнице, а Ядвигу Фридриховну - терапевтом. До Акмолинска ехали на поезде. А дальше - на телегах, запряженных верблюдами и низкорослыми лошадками. По степному бездорожью добирались пять дней.

Первую больницу устроили в здании из красного кирпича,

оставшемся после английских концессионеров. В конце мая 1930 года в день открытия амбулаторию посетило всего четыре человека. В октябре того же года у Германа Никаноровича было уже двадцать больничных коек, а через два года - более двухсот. Судя по всему, первые несколько лет семья Алалыкиных жила при стационаре.

Первым больным, которого оперировал Герман Никанорович на угольных коях, был рабочий шахты № 1 Рахим Ибраев, обратившийся с перитонитом. Операция шла при свете керосиновой лампы. Поскольку медицинского оборудования не было, вместо крючков для расширения ран пришлось использовать алюминиевые ложки.

В годы Великой Отечественной войны Алалыкины работали в эвакуированных госпиталях. В областном краеведческом музее сегодня хранится любопытная коллекция, собранная Германом Никаноровичем. Это различной формы пули и осколки, извлеченные из тел раненых.

Пресный суп

- Прадед был, конечно, самоотверженным человеком, - говорит Елена Владимировна. - Вместе с Ядвигой Фридриховной он создавал для шахтеров травматологические пункты. Впервые в Казахстане организовал центр переливания крови. Был и хирургом, и акушером, и инфекционистом, и невропатологом. По любым вызовам он сам топал к больным ночью и днем - без проблем. Никогда не было такого, чтобы он не хотел куда-то идти. Он лично курировал всех своих пациентов. Для него это было очень важно. Никогда не имел машины, даже служебной. Конечно, его ученики уже обзавелись автомобилями, и дома у них стали получше. То есть это были люди более практичные. Он же был постоянно погружен в работу. Ни разу не ездил в отпуск, ни в одном санатории не отдыхал. Он все время был нужен здесь.

- А какой характер был у Германа Никаноровича?

- Моя бабушка, его сноха Галина Тарасовна, рассказывала о его вопиющем бескорыстии. Люди несли ему что могли. Кто булку, кто овощей с огорода. Но он никогда ничего не брал. Однажды какая-то бабушка притащила гуся в корзинке. Прадед не принял подарка. Тогда она улучила момент и, пока никто не видел, закинула птицу в огороде его выловили и все-таки съели. Кто ему шею сворачивал? Скорее всего, это делала сноха. Она была крепкой и жесткой. Прадед же, будучи хирургом, не свернул шею ни одной курице. Он любил животных. В доме всегда водилось много кошек и котят, а во дворе - собак, которых обычно даже не привязывали. А еще бабушка любила вспоминать случай, свидетельствующий о непритязательности прадеда. Как-то раз она сва-

рила еду, а сама ушла на работу. На кухне в одной кастрюле был нормальный борщ, а рядом стояла кастрюля с собачьей похлебкой из отрубей. А Герман Никанорович был настолько увлечен своими рабочими моментами, что очень невнимательно относился к тому, что ест. Для него это было абсолютно не важно. Что положат, то и хорошо. А тут не оказалось никого рядом. Он взял поварешку и решил сам себе налить. В общем, он ошибся кастрюлями, зачерпнул собачью еду - постную, пресную, совершенно невкусную. Спокойно пообедал. Потом уже, когда бабушка вернулась домой, сказал ей: «Галина, ты больше не готовь такой суп. Я все съел. Но, может, его подсолить хотя бы». Он был очень сдержанный. Его невозможно было вывести из себя.

Единственный костюм

- То есть дома Герман Никанорович продолжал работать? Родным внимания не уделял?

- Мама рассказывала, какие нарядные и пышные он устраивал елки. Уж не знаю, где они их брали. Дети (Герман Никанорович содержал семерых племянников) мастерили игрушки из яичной скорлупы и разноцветной бумаги. Алалыкина наряжали Дедом Морозом, клеили ему ватную бороду. Он всем готовил подарки. Небогатые, но зато красиво завернутые. Он никогда никого не обделял.

- В пожилевших документах, хранящихся в краеведческом музее, упоминается, что в 1930 году Алалыкину назначили довольно приличное жалование - 300 рублей.

- Это очень мало. Всего 30 рублей в переводе на новые советские деньги. За всю жизнь Герман Никанорович так ничего и не скопил. Хотя он до последнего оперировал. В Первую мировую он был ранен и после жил с пробитым легким. Поэтому, естественно, он себя берег: не пил, не курил. Но умер в 74 года из-за застоя в легких. И тогда оказалось, что его не в чем хоронить. У прадеда был единственный костюм. Похороны прошли очень скромно.

До сих пор никто из потомков Германа Никаноровича не пошел по его стопам. Сын стал инженером, внучка - художницей, правнучка - педагогом. Когда Елена Владимировна окончила школу, сам профессор Хафиз Макажанов и директор мединститута Петр Поспелов звали ее учиться на врача. Но к тому времени она успела побывать с экскурсией в анатомическом музее, испугаться и решить, что никогда не станет медиком. Теперь Елена Владимировна надеется, что ее сын, названный в честь прапрадедушки Германом, все-таки продолжит его дело.

Дом, в котором жили первые карагандинские врачи Алалыкины, построенный в 1946 году японскими военнопленными, сохранился до сих пор. Это одноэтажное здание на улице Сатпаева. Оно крепкое, но требует капитального ремонта. Средств на него у правнучки хирурга нет. Елена Владимировна обращалась в акимат, просила, чтобы помогли привести в порядок хотя бы фасад. Хотела повесить мемориальную табличку. Но получила отказ: частный сектор из бюджета не финансируется.

Анастасия Машнина, фото Виктора Майского

Хирургические инструменты Германа Алалыкина.